языка, варьируясь в разных произведениях писателя, имеют много общего. Язык детских сказок Гаршина обладает повышенной фигуративностью: в нем особенно активно используется фигура антитезы, одна из наиболее любимых романтиками [Сквозников 1957]. Писатель мастерски использует полисемию, сталкивая разные значения одного слова и даже строя на этом композицию текста, оксюморон, каламбур. Писателя сближает с романтиками также повышенный интерес к парадигматическим связям слов в языке, к проблеме связи между словом, миром и поведением человека в этом мире.

Творчество В. Гаршина, как и творчество романтиков, пришлось на период идеологического кризиса и разочарования в прежних идеалах. В такие эпохи обостряется интерес к слову, к речевым регистрам, характеризующим поведение персонажа.

Заимствуя формы и мотивы фольклорной или литературной сказки и басни, В. Гаршин творчески переосмысливает их, в чем ярко проявляется авторское начало, переплетая в них вымысел и реальность, субъективное и объективное, тем самым создавая новый жанровый симбиоз естественно-научного и сказочного повествования. Но и во «взрослых», и в детских произведениях писатель остается верен своей основной идее – мерилом и движителем всего в мире является нравственность.

ЛИТЕРАТУРА

Инверсионный индекс к словарю русских народных говоров / Под ред. Ф. Гледни. – СПб., 2000.

Сквозников В.Д. Реализм и романтика в произведениях В.М. Гаршина (К вопросу о творческом методе) // Известия Академии наук СССР. Отделение литературы и языка. – Вып. 3. – 1957. – Т. 16.

Keesmann-Marwitz A.H. "To, čego ne bylo": some thoughts on Garšin's first animal tale // Russian Literature. – North-Holland, 1985. – T. XXXVII.

«Нельзя заново возделать русское поле, не возделывая души человеческие»

(Лингвостилистический анализ рассказа Ф. Абрамова «Сосновые дети»)

Е.А. ФРОЛОВА
Москва

Будить, всеми силами будить в человеке Человека.
Ф. Абрамов

Автор анализирует один из рассказов Ф. Абрамова, раскрывая взаимоотношения мира природы и человека. В статье охарактеризованы языковые средства, помогающие писателю перейти от детали к философскому обобщению.

Ключевые слова: *мотив дороги; семантическое расширение; риторический вопрос; оксюморон; контраст; полисемия.*

Ф.А. Абрамов (1920–1983) родился в селе Веркола, расположенном на правом берегу лесной извилистой реки Пинега.

Краски, запахи и голоса северного леса, яркая живая народная речь, трудные человеческие судьбы – все это с детских лет впитывала душа будущего художника слова. Детские впечатления нашли отражение в прозе писателя.

Почти все рассказы Ф. Абрамова посвящены жизни людей на северной пи-

***Фролова Елена Александровна**, кандидат филол. наук, доцент МПГУ.*
E-mail: frojlen@yandex.ru

104ss.pmd 45 02/02/2015, 14:16

нежской земле. Каждый рассказ – своеобразная попытка писателя заглянуть внутрь человека, познать, что им движет, какой путь выберет себе герой. В своих произведениях Ф. Абрамов размышляет о проблемах страны в целом и о противоречиях духовной жизни конкретного человека, о нравственных ценностях, без которых не выстоять ему в этой непростой жизни.

Во многих рассказах писателя герой-повествователь выступает в роли путника, настойчиво ищущего среди людей истину о сущности человека и его жизненных целях. Так построен и рассказ «Сосновые дети» (1962). Алексей через четверть века едет на встречу с другом детства Игорем Чарнасовым, бывшим бандитом, ныне лесником. Мотив дороги семантически расширяется в произведении. Это попытка преодолеть временны́е барьеры («Сумеем ли мы преодолеть разделяющий нас поток времени?»). Неслучайно в рассказе используется прием темпорального смещения, когда воспоминания героя вторгаются в текст повествования, раскрывая предысторию Игоря и готовя читателя к встрече с ним, одновременно создавая интригу, поскольку в рассказе возникает «другой» Игорь – сказочный герой, защитник леса.

«Дорога, вдрызг разбитая, размятая бульдозером…» – это не только путь через леспромхоз, где все дороги «матом выстланы»[1]. Это одновременно и дорога человеческой души, загубленная современной техникой и оскудением нравственных идеалов. Негативно-оценочные эпитеты-причастия сохраняют глагольную сему действия, разговорное наречие *вдрызг* усиливает ощущение безысходности от дела рук человеческих. Причем дорога эта – в два конца: уход от себя и возвращение к себе.

Писатель рисует образ озлобленного шофера Проньки Силина, «первого браконьерщика в лесопункте»:

Шофер, *сцепив зубы, со злостью* выворачивал баранку; *скривил запекшиеся губы* шофер; Под красными, обожженными скулами у шофера *заходили желваки*.

Его речь пересыпана ругательствами («*Сука* человек!», «Он, *гад*, лося зверю скормит, а человека не выручит»). Писатель, стараясь быть объективным, объясняет озлобление Проньки тяжелой работой и усталостью рабочего человека, только что вернувшегося с пожара. Но читатель видит, что Силин изуродован борьбой за план, за копейку. Для него лес – кладбище, где сильный побеждает слабого. Работа воспринимается им как принудительный труд:

– Попробуй *поишачь* каждый день без смазки.

Разговорный синоним глагола *работать* в форме императива раскрывает не только отношение персонажа к своему делу, но и его жизненные принципы. Безразличие к вымирающей природе ведет к очерствению человеческой души, к злобе по отношению к человеку. Нарушение закона против природы – шаг к преступлению против человека:

– Я, говорит, из-за Гошки штраф заплатил, а Гошка *жизнью* мне *заплатит*…

Стихия человеческого равнодушия и даже ненависти к природе (*Какая-то ненависть у нашего мужика к лесу; А теперь реку раздели – как сирота, голая стоит*…) показана с помощью прямых номинаций-характеристик и образных средств: метафорическое олицетворение *раздtли* семантически поддерживается эпитетом *голая*, который усилен сравнительным оборотом, подчеркивающим ненужность, заброшенность природных богатств. Обвал планов лесозаготовок, которые надо выполнить любой ценой, вступает в конфликт с жизнью леса и живой человеческой душой.

Для Ф. Абрамова, родившегося и выросшего в лесном краю, судьба родного северного леса – глубоко личная проблема. А для его героя Игоря Чарнасова смысл жизни – в сохранении и приумножении «зеленого золота». Писатель строит текст рассказа на контрасте. При этом нередко вводит параллельное восприятие одного и того же явления, факта разными

[1] Цит. по изд.: Абрамов Ф. А. Трава-мурава: Повести и рассказы. – М., 1982.

104ss.pmd 46 02/02/2015, 14:16

персонажами, позволяя тем самым читателю самому решить, на чьей он стороне. Например, суть деятельности лесника представляют в рассказе два героя – шофер Пронька Силин и лесник Игорь Чарнасов. Силин считает, что у лесника работа легкая:

Зимой *лежка*, и летом тоже *пот не прошибет*. *Пройтись* там раз в неделю по лесу да у речки *покемарить*…

По мнению же Чарнасова-младшего, у лесника много забот:

Охрана леса, лесокультурные работы, расчистка просек… А семена заготовлять? *Египетский труд*! Каждую шишку надо ладонями обмять. А противопожарные канавы возле дорог прорыть?..

Языковые антонимы *зимой – летом* в речи Силина выполняют функцию вневременно́го обобщения, подчеркивая бездеятельное существование лесника круглый год. Образное выражение *пот не прошибет* в сочетании с глагольными формами *пройтись, покемарить*, содержащими сему ‘кратковременность’ и употребляющимися при описании состояния отдыха человека, рисует картину его якобы беззаботной жизни. Напротив, словосочетание *египетский труд*, подчеркивающее тяжесть выполняемой работы, выступает контекстуальным антонимом к рассмотренному выше отрывку. Нет, «не на лежку сюда приехал» Игорь Чарнасов!

Лесник уверен, что природа живет по мудрым законам:

Мудро устроен, Алексей, лес: сначала кормом себя обеспечит, а потом уж на отдых уходит.

В отличие от него человек поступает безрассудно:

Сперва лес под корень вырубят, а потом уж за стройку примутся. Ну и чихают все лето пылью.

Противопоставление мира людей и природы пронизывает рассказ «Сосновые дети». Озлобленному, уставшему, изможденному человеку противостоят *веселая* порожистая речка «в красных крутых берегах с *зелеными* лиственницами, высокие сосны с *курчавыми макушками*». В описании природы царит радость жизни. Рисуя мир природы, Ф. Абрамов нередко использует цветовые характеристики:

Вечерняя *заря* еще *не погасла*. Далеко на горизонте *чернела* зубчатая гряда леса. И над этой грядой то тут, то там поднимались *багряные* сосны – косматые, похожие на вздыбленных сказочных медведей; И самые сосенки, то *иссиня-черные*, то *сизые до седины*, то *золотисто-багряные* со *светлыми* каплями смолы, напоминали *нарядную, пятнистую* шкуру моря.

Лексемы с собственно цветовой семантикой дополняются словами, в значении которых есть сема ‘цвет’. Сложные определения-эпитеты позволяют писателю передать богатую цветовую гамму, тонкие цветовые переходы и оттенки.

Активно использует автор и разного рода сравнения: озерко в рассказе «с черной, *как чай*, водой»; тоненький свист похож «*на хрупкий лучик вечернего солнца*»; «темный, заросший молодым ельником ручей, *словно корабль*, плывет нам навстречу»; «по вершинам сосен *красной лисицей* крадется утренняя заря». Мир природы рождает сказку:

Я смотрю на этих *неохватных*, в седых космах *великанов*, смотрю на их темные вершины, потрепанные *вековечными* ветрами, и то они мне кажутся *былинными богатырями*, чудом забредшими в наши дни, то опять начинает казаться – чего не делает белая ночь, – что ты сам *попал в заколдованное царство* и бродишь меж *задремавших богатырей*. Уж не белые ли ночи и сосны навеяли эту *сказку* нашим предкам?

Использование слов с «волшебной» семантикой, былинных образов, метафор и гиперболизированных эпитетов помогает Ф. Абрамову нарисовать картину сказочного леса. Описания соединяют настоящее и прошлое, реальность и вымысел. Происходит не только временной, но и пространственный сдвиг. Это один из приемов писателя, позволяющий ему переходить от деталей к широким обобщениям.

Однако вторжение человека в мир природы оказывается губительным для нее:

Ни лесинки, *ни* кустика. *Только пни. Бесконечная россыпь свежих лобастых пней. Злое солнце* плясало на их желтых, заплывших смолой срезах, и казалось, *тысячи прожекторов бьют тебе в глаза*.

104ss.pmd 47 02/02/2015, 14:16

Повторяющийся союз *ни – ни* усиливает ощущение пустоты. Парцеллированные конструкции с уточняющим значением подчеркивают действия людей: все вырублено, уничтожено, загублено. Автор концентрирует компоненты лексико-семантической группы «Пепелище», создавая картину последствий вторжения человека в природу:

Дорога… шла свежей *гарью*; *Черный пал с обгорелыми соснами* еще *дымился*.

Казалось бы, сама стихия встала на сторону человека-разрушителя:

В то лето, необыкновенно засушливое, полыхавшее сухими грозами, Пинегу замучили пожары.

Повтор однокоренных эпитетов сопровождается словами, содержащими семы ‘огонь’, ‘отсутствие влаги’. Содержащее отрицательную коннотацию олицетворение *замучили* помогает воссоздать картину всеобщего бедствия, охватившего лесной край. Оксюморон *лесная пустыня* подчеркивает трагические последствия воздействия человека на природу.

Техника способна погубить все живое, но она может и возродить лес. Самодельные приспособления Игоря Чарнасова заложили «искрящийся ручеек, робко крадущийся по песчаному дну борозды», а значит, есть надежда на спасение природы и самого человека.

Важную роль в раскрытии авторского замысла играют риторические вопросы. Они встречаются на протяжении всего текста рассказа, в речи разных персонажей:

– А в магазинах ни хрена – это тоже закон?; – А люди? Им исть-пить надо?; Но друзья ли мы?; – Почему бы, к примеру, кедр не развести? – Почему так? Кто лес валит – тому прогрессивка, и премиальные, и еще там всякая всячина. А кто лес сажает – на сознательность переведен. Почему так?

Ф. Абрамов прибегает к этому приему, чтобы включить читателя в круг размышлений своих героев. Последний пример имеет кольцевую композицию. Вопрос, поставленный в начале размышлений, повторяется в качестве их итога. Создается ощущение безысходности. Однако не только герой не знает ответа. Писатель не дает конкретных рекомендаций, но заставляет нас задуматься над поставленными вопросами и самим сделать выводы о путях развития страны, судьбах людей и движении человеческой души.

Неоднократно Ф. Абрамов проводит параллели между отцом и сыном Чарнасовыми. По воспоминаниям рассказчика, Игорь и Антон Исаакович антагонисты. Отец – убежденный революционер, мечтающий о мировой революции, а сын – бандит. Но вновь и вновь в тексте между героями устанавливаются связи. Вот жена Игоря Наташа называет его в разговоре именем отца: «– Ну, понес, Антон Исаакович, – снисходительно улыбнулась Наташа»; рассказчик замечает, что «в эту минуту Игорь поразительно напоминал своего отца»; и глаза у них одинаковые – «пронзительно-светлые, по-чарнасовски шальные и диковатые». И все-таки Игорь другой. У старшего Чарнасова был «только один пожар на уме» (вероятно, мировой), а его сын борется с лесными пожарами, возрождая природу на месте пепелища. Отец звал красными («огненными») транспарантами, которыми украшал в праздники отделение почты, к разрушению старого мира, а Игорь белым известняком призывает установить вечное перемирие между природой и человеком:

На пригорке стоял столб с вывеской «Шушольское лесничество», а еще подальше, почти у самого леса, вдоль дороги было выложено белым известняком: «Миру мир!»

Антон Исаакович мечтал о мировой революции, а его сын хочет землю разрисовать, «революцию зеленую» сделать. И понимает рассказчик Алексей, что, несмотря на кровное родство, разные это люди:

Он был силен, по-прежнему силен и неутомим, как все Чарнасовы, и так же размашисто мечтателен и одержим, как его отец, – «зеленую революцию пущу», но откуда у него эта удивительная любовь и жалость, русская жалость ко всему живому? Нет, отец его, беспощадно-прямой, мысливший мировыми категориями, не страдал этим. Профессия лесника наложила на него свою печать?

Игорь Чарнасов предстает перед читате-

104ss.pmd 48 02/02/2015, 14:16

лем тем героем, которому природа помогла найти дорогу к себе. Писатель подчеркивает неразрывную связь героя с лесом, используя сравнительные конструкции:

Игорь в белой рубахе, окутанный серым облаком гнуса, *как олень*, качается в кустах. *Матерый опытный олень, безошибочно прокладывающий свою тропу*; Голос его переливается, *как ручей*.

Знающий и понимающий жизнь леса, Игорь сам превращается в сказочного героя:

…и тогда он, в белой распущенной рубахе, с темным, прокопченным солнцем лицом, на котором шевелятся неестественно белые брови, напоминает *старого лесного ведуна*…

По словам Игоря, лес его «человеком сделал», только в лесу почувствовал он себя человеком. Здесь «никто тебя не спрашивает, кто ты». Деревья для Игоря – те же люди:

Вот, к примеру, ель. Нужное дерево – ничего не скажешь. А хитрить-то зачем? Ох, хитрое дерево! Я эту ель насквозь вижу. Вся ушла в суземы. Ну-ко, доберись до нее. Надо железную дорогу тянуть, болота мостами выстилать. «Сама на корню сгнию, а человеку не дамся». Вот какое дерево! А в сырость я прямо глядеть на нее не могу. И так-то жить тошно, а тут еще она слезу точит… Вот осина еще на нервы действует. И все-то она дрожит, все-то дрожит. Больно о себе много думает…

Но здесь живет и «сосна-трудяга» – второе «я» героя рассказа «Сосновые дети». Ей, как и ему, «некогда пустяками заниматься. На ней вся планета держится…»:

Ноги в земле, голова в космосе, да как затянет свою «дубинушку» – аж землю в дрожь бросает. Вот какое это дерево – сосна… Да мы ей в ноги должны поклониться. За службу верную. За то, что на переднем крае всегда. Не хитрит. Не ждет никакой награды!..

Важную роль в рассказе играет его название. Занимая ключевую позицию в произведении, заголовок «Сосновые дети» оказывается полисемантичным. Прежде всего, в тексте реализуется прямое значение: Ф. Абрамов повествует о восстановлении вырубленного леса. В то же время автор углубляет семантику названия. Сосновые дети заменили Игорю и Наташе своих детей, которых у них нет (и не может быть):

– Нескладно у нас получилось. Врачи говорят: конец вашим детям… – Ничего, – заговорил он сдавленным шепотом. – Ничего! – И вдруг опять уже знакомым мне, каким-то *по-отцовски* широким и щедрым объятием обхватил сосенки. – Вот мои дети!.. Наташа плачет, убивается, а я говорю: не плачь; кто чего родит – одни ребятишек с руками да ногами, а мы, говорю, с тобой сосновых народим. Сосновые-то еще крепче. На века… .

В этом – и боль, и надежда на продолжение рода. Искренность Чарнасова и его отеческая любовь заставляют и Алексея поверить в то, что «эти сосенки-подростки… не просто молодой сосняк, а Игоревы дети».

Да и сам Игорь – сын соснового леса. Неслучайно «сухое, загоревшее лицо его с белыми бровями пылает, как сосна». А сам герой утверждает, что он «от сосны начал жить». Сосна помогла ему вернуться к своим истокам и найти счастье в жизни.

Язык рассказа богат диалектизмами, просторечными словами и авторскими новообразованиями: *зеленомошник, красная щелья, ежели, зазывай, даром что маленькая, смикитил, шишкофронт* и др., что отражает стихию народной северной речи. Они вливаются в повествование рассказчика, помогая раскрыть характеры персонажей, передать их индивидуальность.

«Природа, ее мощь, ее красота и ее уязвимость, беззащитность – один из главных мотивов прозы Абрамова» [Акимов 2012: 11]: «Я стою, склонившись над… младенческим лесом, вдыхаю его первозданный запах, и мне кажется, что я присутствую при рождении мира, подымающегося на утренней заре…». От конкретной детали писатель идет к философским обобщениям, от человека – к человеческому.

ЛИТЕРАТУРА

Абрамов Ф.А. Трава-мурава: Повести и рассказы. – М., 1982.

Акимов В. О Федоре Абрамове, его земле, его рассказах // Абрамов Ф. А. О чем плачут лошади: Рассказы. – М., 2012.

104ss.pmd 49 02/02/2015, 14:16